

II

Статьи и публикации

В. С. Аксёнов

БАРАНЬИ АСТРАГАЛЫ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ АЛАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕ-САЛТОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

История открытия и исследования катакомбных захоронений у с. Верхний Салтов, приведших впоследствии к вычленению памятников салтово-маяцкой археологической культуры из общей массы древностей последней четверти I тыс. н. э. юга Восточной Европы, начинается в далеком 1900 г. За более чем столетие исследований катакомбных захоронений салтово-маяцкой культуры ученым удалось пролить свет на многие вопросы, связанные с материальной и духовной культурой аланского населения, оставившего захоронения в грунтовых катакомбах на территории верхнего Подонцовья. Этому способствовал многочисленный и разнообразный погребальный инвентарь (оружие, орудия труда, личные украшения, металлические детали одежды, амулеты и т.п.), который сопровождал захороненных в катакомбах людей. Однако вниманием были обойдены надпяточные кости ноги мелкого рогатого скота – астрагалы, которые представляют интерес для реконструкции быта и общественной жизни аланского населения бассейна Северского Донца в эпоху раннего средневековья.

Уже первые исследователи погребальных комплексов Салтова отмечали присутствие в инвентаре ряда катакомбных захоронений бараньих астрагалов, которые интерпретировались ими

как игральные кости. Так, первые исследователи могильника при описании захоронений неоднократно упоминали о находке астрагалов, рассматривая их исключительно как игральные кости [Бабенко, 1914, с. 452, 454, 462–464, 477; Покровский, 1905, с. 483]. Бараньи астрагалы в захоронениях Верхнего Салтова были обнаружены и при последующих работах на могильнике в 1946–1948 гг. экспедиций Харьковского госуниверситета под руководством С. А. Семенова-Зусера [Семенов-Зусер, 1949, с. 118, 122, 132; Семенов-Зусер, 1952, с. 283, рис. 6], и при работах в 1959–1961 гг. на могильнике Кочетокской археологической экспедиции Института археологии АН УССР [Березовец, 1959–1961, с. 21, 25–26]. Все эти астрагалы, по мнению исследователей, применялись для игр, похожих на современную игру в бабки, а вырезанные на некоторых астрагалах знаки следует рассматривать как знаки собственности отдельных владельцев [Шрамко, 1962, с. 286].

Возобновление работ на могильнике в 1984 г. экспедицией Харьковского исторического музея сначала под руководством В. Г. Бородулина, а затем и автора данной работы позволило существенно расширить наши знания о данной категории погребального инвентаря аланского населения Верхнего Салтова. На сегодняшний день в результате работ экспедицией музея на главном участке могильника у с. Верхний Салтов (ВСМ-I) исследовано 76 катакомб и 17 грунтовых захоронений, на ВСМ-III – 25 катакомбных и 6 грунтовых захоронений и на ВСМ-IV – 150 погребальных комплексов (133 катакомбы, 6 дромосов без камер, 11 погребений в ямах разной конструкции). Астрагалы в количестве 332 экземпляров представлены в 49 погребальных комплексах могильника (в 48 катакомбах и 1 грунтовом погребении) (см. табл.).

Сохранность найденных астрагалов разная. Одни кости сохранились хорошо, другие представляют собой легкую пористую структуру с частичными утратами. На их сохранность повлияли условия, сложившиеся в погребальной камере (влажность, наличие кислорода, состав грунта и т.п.) и место их расположения в захоронении (непосредственно рядом с телом человека, в стороне от тел погребенных людей). В результате этого вес астрагалов хорошей сохранности, в зависимости от размера, колеблется от 5 до 12 грамм, тогда как вес астрагала плохой сохранности значительно ниже – 2,33–4 грамма.

Количество астрагалов в одном погребальном комплексе колеблется от 1 до 46 (катакомба № 15 ВСМ-I) (табл.). В 12 катакомбах

Таблица

**Астрагалы в погребальных комплексах
Верхне-Салтовского катакомбного могильника**

№ кат./ погр.	Кол-во чел.	Кол-во астрагалов	Расположение астрагалов			Тип I – со следами обработки										Тип II без следов обработки	
			у таза	у головы	другое место	вид 1 – слега подточенный					вид 3 – без следов подточки, но со следами обработки						
						А не имеет др. следов отбра- тотки	Б сквоз- ное отвер- стие	В граф- фити	Г утя- же- лен	Ж «глаз- ки»	А со сле- дами обра- ботки	Б сквоз- ное отвер- стие	В не- сквоз- ное отвер- стие	Г граф- фити	Е утя- же- лен		Ж «глаз- ки»
биток																	
138 (BCM-IV)	2	1		+											+	(1)	
48 (BCM-I)	4	1		+											+	(1)	
11 (BCM-I)	2	9		+											+	(1)	+
39 (BCM-I)	3	14		+	+	(13)									+	(3)	+
погр. 16 (BCM-I)	1	3					+		+		+				+	(1)	+
астрагал с отверстием																	
16 (BCM-IV)	3	1			+										+	(1)	
60 (BCM-I)	3	1													+	(1)	
51 (BCM-I)	2	1													+	(1)	
75 (BCM-IV)	3	1													+	(1)	
67 (BCM-IV)	3	2													+	(1)	+
7 (BCM-IV)	2	2													+	(1)	+
17 (BCM-IV)	2	2													+	(1)	+
116 (BCM-IV)	2	3					+		+						+	(1)	+
40 (BCM-IV)	3	3													+	(2)	+
14 (BCM-IV)	2	2													+	(1)	+
28 (BCM-I)	4	3													+	(2)	+
36 (BCM-I)	4	3													+	(1)	+
72 /1	4	3													+	(1)	+
72 /2 (BCM-IV)		4													+	(1)	+
140 (BCM-IV)	2	4													+	(2)	+
73 (BCM-IV)	1	4													+	(2)	+
121 (BCM-IV)	3	5													+	(3)	+
89 /1	2	1													+	(1)	+
89 /2		1													+	(1)	+
запол- нение (BCM-IV)		5													+	(2)	+

было обнаружено по одному астрагалу, в 7 катакомбах – по два, в 8 погребальных комплексах – по три, в 5 катакомбах – по четыре кости, в 3 катакомбах – по пяти астрагалов, в 4 катакомбах – по семи астрагалов, в двух – по девяти, в одной – 12 астрагалов, в одной – 14 астрагалов, в одной – 16, в одной – 20, в одной – 23, в одной – 35, в одной – 36, в одной – 46 надпяточных костей барана. При этом надо учитывать, что катакомба являлась семейной усыпальницей, и количество погребенных в камере колеблется от одного (кат. № 19, 39, 73 ВСМ-IV) до пяти человек (кат. № 30, 96 ВСМ-IV). Поэтому в катакомбах с большим количеством костяков астрагалы могли принадлежать как одному из погребенных людей, так и сразу нескольким, костяки которых находились в камере. И установить, кому из погребенных людей они принадлежали, не всегда представляется возможным.

В зависимости от различных следов искусственной обработки найденные в катакомбах Верхнего Салтова астрагалы можно отнести к нескольким видам. Для этого мы воспользовались типологией для игральных астрагалов, предложенной Б. Г. Петерсом по материалам античного времени Северного Причерноморья [*Петерс, 1986, с. 81–83*].

Так, в исследованных погребальных комплексах представлены пять астрагалов-битков (кат. № 11, 39, 48, погр. № 16 ВСМ-I, и кат. № 138 ВСМ-IV) (*рис. 1*). Данные астрагалы отличаются от других просверленные в них отверстия, заполненные свинцом. Вес данных битков колеблется от 11,55 грамм (кат. № 48 ВСМ-I) до 17,48 грамм (погр. № 16 ВСМ-I). Четыре из пяти битков относятся к астрагалам I типа (со следами обработки), вида 3E (без следов подточки и сточенности, утяжеленных) (по Б. Г. Петерсу) (*рис. 1: 1–3, 5*). Биток из грунтового погребения № 16 ВСМ-I относится к I типу, виду 1, но его одновременно следует отнести к астрагалам нескольких разновидностей: имеющим сквозное отверстие для подвешивания (Б); имеющим на поверхности граффити (В) и утяжеленным (Г) (*рис. 1: 4*). Присутствие в погребальных комплексах Верхнего Салтова астрагалов-битков однозначно указывает на существование у данного аланского населения игр в кости на выбивание – типа таких игр, как бабки у русских, альчики у осетин, асык/ашик у казахов и других кочевых народов [*Гагиев, 1980, с. 64–65*]. Особенно отчетливо это демонстрирует захоронение подростка (№ 1) в катакомбе № 39 (ВСМ-I), при костяке которого было обнаружено 14 таранных косточек барана. Биток лежал между тазобедренным суставом правой ноги погребенного и кистью его правой руки, тогда как остальные 13 астрагалов

располагались кучкой в районе грудной клетки подростка. В данном случае логично предположить, что в захоронении находился набор для игры конкретного индивида.

Поэтому неудивительно, что в погребальных комплексах присутствовали и астрагалы без каких-либо следов дополнительной обработки (тип II по Б. Г. Петерсу), которые могли быть задействованы как в играх на выбивание, так и в разнообразных играх на ловкость. Астрагалы без каких-либо следов дополнительной обработки были встречены в 32 погребальных комплексах (всего 180 экз.). Количество бараньих астрагалов без каких-либо следов обработки в одном погребальном комплексе колеблется от 1 до 30 (табл.).

Эту группу астрагалов дополняют надпяточные кости баранов, у которых заметны следы незначительной подточности с одного или двух боков (тип I, вид 3А). Таких астрагалов в нашей коллекции насчитывается 44 экземпляра. Подтачивали астрагалы для более надежного их примыкания к поверхности при падении при проведении игр на вбрасывание, а также для более устойчивого их положения при играх на выбивание [Петерс, 1986, с. 81].

Надпяточные кости мелкого рогатого скота типа II и типа I вид 3А из-за своей многочисленности, по-видимому, следует рассматривать в качестве основной массы предметов, использовавшихся аланским населением Верхнего Салтова для разнообразных игр с астрагалами (на выбивание, на вбрасывание, на ловкость).

Остальные найденные астрагалы относятся в основном к двум видам: астрагалы со следами подточки и со сквозным отверстием (тип I, вид 1Б) (рис. 2: 1, 3, 4, 9, 13; рис. 3: 6, 12, 13; рис. 4: 14, 15); астрагалы без следов подточки со сквозным отверстием (тип I, вид 3Б) (рис. 2: 2, 5, 6–9, 11, 12, 14–16; рис. 3: 1–3, 7–9, 11, 14; рис. 4: 1–8, 10, 11–13; рис. 5: 1–4). Астрагалов относящихся к типу I–1Б – 26 экземпляров, а к типу I–3Б – 50 экземпляров. Еще на трех астрагалах со следами подточки присутствуют незаконченные отверстия для подвешивания (тип I, вид 3В) – катакомбы № 10 и № 89 ВСМ-IV, № 69 ВСМ-I (рис. 5: 5–7).

Имеющиеся на астрагалах отверстия, просверленные в них для подвешивания, большинством исследователей рассматриваются как указание на то, что они использовались в качестве подвесок-амулетов. Это было обусловлено распространенным у многих народов степной полосы Евразии, в том числе и индоиранского происхождения, устоявшимся представлением о том, что баран является

символом изобилия, благодати, плодородия, могущества, удачи и славы. Барана связывали с небесной сферой, считалось, что он является воплощением божества Фарна [Чибиров, 1983, с. 98].

В надпяточных костях барана делалось сквозное отверстие, которое располагалось на одном из продольных боковых гребней кости и соединяло зачастую извилистую боковую сторону астрагала с его передней вогнутой стороной (*шах – циг*)¹, у основания одного из рожков. То, что отверстие делалось именно в этом месте, вероятно, объясняется тем фактом, что здесь сквозное отверстие в кости можно было сделать относительно легко и быстро, не прилагая больших усилий. Это подтверждается и наличием астрагалов, которые при достаточно хорошей сохранности имеют разрушения именно в месте нахождения отверстия для подвешивания (кат. № 39, 73 ВСМ-I, № 10, 30 72 ВСМ-IV) (рис. 2: 8; рис. 3: 1; рис. 4: 2, 6). Интересно, что в памятниках других народов и культур сквозные отверстия в астрагалах зачастую проделывались в других местах – в центральной их части или между рожками [Кызласов, 1960, рис. 53: 1, 3; Петерс, 1986, табл. XVI: 1–4, 9, 15, 17, 18, 19; XVII: 12–16, 19, 21, 23–25; Стрельник, Хомчик, Сорокина, 2009, рис. 1: 3, 7–11; 2: 3, 4; 4: 3, 6]. Возможно, эта разница в месте расположения отверстия на астрагалах была обусловлена разным способом использования или традицией ношения косточек барана у разных народов и в разное время.

Всего на пяти астрагалах из Верхнего Салтова сквозные отверстия располагались иначе, чем в большинстве найденных надпяточных костей. На двух астрагалах (кат. № 69 ВСМ-I, № 121 ВСМ-IV) сквозное отверстие проходило сквозь тело кости, соединяя ее лицевую вогнутую и заднюю выгнутую стороны (*фир – циг*) (рис. 2: 15; рис. 5: 13). Астрагал из катакомбы № 96 ВСМ-IV имел два сквозных перпендикулярных друг другу отверстия, одно из которых соединяло боковые стороны кости (*шах – тау*), а другое – выпуклую и противоположную ей вогнутую стороны надпяточной кости (*фир – циг*) (рис. 4: 14). Еще на трех астрагалах (кат. № 51, 69 ВСМ-I, № 17 ВСМ-IV) отверстие располагалось в углублении вогнутой стороны и выходило в одну из двух боковых сторон кости (*циг – шах* или *циг – тау*) (рис. 2: 9, 14; рис. 3: 14). Иное расположение отверстия на данных костях позволяет предположить и другое их предназначение, отличное от астрагалов-амулетов. Возможно, данные

---

¹ Здесь и далее используются осетинские названия сторон у астрагала.

косточки барана использовались как детали одежды, аналогичные известным у хакасов «держалкам», когда в отверстие в астрагале пропускался и завязывался ремешок, на противоположном конце которого висел мешочек с огнивом, трутом и кремнем. При этом астрагал с прикрепленным на ремешке мешочком затыкался сбоку за опоясок или поясной ремень [Кызласов, 1960, с. 141, прим. 5].

Интересно, что среди астрагалов с отверстием для подвешивания присутствуют экземпляры, у которых была слегка подточена одна из боковых сторон. Чаще всего на найденных астрагалах оказывалась подточенной боковая сторона с названием *тау* (рис. 2: 1, 3, 4; рис. 3: 6, 12, 13; рис. 4: 15), что должно было, по-видимому, способствовать более частому выпадению при подбрасывании извилистой боковой стороны – *шах*, т.е. самого дорогого положения при игре на вбрасывание (если исключить вставание астрагала на свои рожки) [Гагиев, 1980, с. 66]. Вероятно, данные кости со слегка подточенной боковой стороной при игре на вбрасывание приносили их владельцу выигрыш, что и обусловило их переделку со временем в подвески-амулеты. Данный факт подтверждает наличие астрагала с отверстием для подвешивания (кат. № 73 ВСМ-IV), обе стороны и один бок которого имеют несквозные отверстия – «глазки», обозначающие цену сторон (1, 2, 4) (рис. 5: 9). «Глазки» (несквозные отверстия) присутствуют на вогнутой стороне (4) и одном из боков (1) одной надпяточной кости из комплекта астрагалов, найденных в катакомбе № 10 ВСМ-IV (тип I, вид ЗЖ) (рис. 5: 8). Астрагалы с «глазками» рассматриваются большинством исследователей как прообраз игральных костей (кубиков) [Клейн, 1997, с. 53–54], что однозначно указывает на существование у аланского населения Верхнего Салтова игр на вбрасывание. Подтверждается это присутствием в катакомбе № 12 ВСМ-IV (1984 г.) костяного игрального кубика, на сторонах которого выгравированы точки от 1 до 6 [Хоружая, 2009, рис. 6: 31].

Возможно, не случайно, что на семи астрагалах с отверстиями для подвешивания на их выпуклой стороне присутствовали граффити (погр. № 16, кат. № 36, 73 ВСМ-I, № 7, 40, 73, 121 ВСМ-IV) (рис. 3: 5, 10; рис. 4: 9; рис. 5: 13), которые могли быть нанесены на астрагалы, как когда они еще применялись для игры, так и после их превращения в подвеску-амулет. Вообще же граффити были выявлены на 21 астрагале из 9 погребальных комплексов Верхнего Салтова (погр. № 16, кат. № 15, 29, 36, 73 ВСМ-I, № 7, 10, 40, 73, 121 ВСМ-IV). Зачастую на один погребальный комплекс приходился один (кат. № 29, погр. № 16 ВСМ-I, кат. № 10, 40, 73, 121 ВСМ-IV), реже два

астрагала с граффити (кат. № 36, 73 ВСМ-I). И только в катакомбе № 15 ВСМ-I количество астрагалов с граффити составляло 9 экземпляров. Набор астрагалов из этой катакомбы был самым многочисленным и состоял из 46 астрагалов, 21 из которых имели отверстия для подвешивания, т.е. служили подвесками-амулетами².

Граффити на выпуклой стороне имели и некоторые астрагалы без отверстий для подвешивания (кат. № 29 ВСМ-I, кат. № 2 ВСМ-III, кат. № 10, 72 ВСМ-IV) (рис. 5: 10–12, 14–17), один из которых был слегка подточен с одного бока (кат. № 72 ВСМ-IV) (рис. 5: 11).

Граффити на астрагалах представлены знаками, имеющими самые широкие аналогии среди знаков, найденных на памятниках не только салтово-маяцкой культуры, но и других культур Евразии [Флёрова, 1997, с. 55–59]. Так, на астрагалах нанесены граффити в виде «прямой решетки» (рис. 5: 10), «открытой лесенки» (рис. 5: 12–14), в виде квадрата (рис. 3: 4; рис. 5: 11), квадрата со вписанным в него крестом (рис. 5: 16, 17), квадрата с решеткой внутри него (рис. 3: 5), квадрата, перечеркнутого крест-накрест диагоналями (рис. 3: 10; рис. 5: 15), треугольника (рис. 4: 9). Все эти знаки связаны с широко известными символами, олицетворяющими вертикальное и горизонтальное строение мира, «мировое дерево» [Флёрова, 1997, с. 58]. И только на одном астрагале из набора, происходящего из катакомбы № 15 ВСМ-I, нанесен рисунок-граффити в виде «снежинки» [Хоружая, 2009, рис. 12: 28]. Данный знак широко распространен в качестве тамги. Однако такая однозначная трактовка его в данном случае вряд ли правильна, если вспомнить о семантике других знаков на астрагалах. Вероятнее, что данный знак, процарапанный на астрагале, символизирует горизонтальное строение мира, не переданное при помощи другого символа. Нанесение на выпуклую сторону астрагала с отверстием для подвешивания указанных выше символов должно было, по мнению его владельца, только усилить силу уже существующего амулета.

Однако нанесение на астрагалы граффити, по-видимому, могло производиться и с другой целью. Здесь необходимо вспомнить набор из 67 надпяточных косточек барана из катакомбы № 4 Верхне-Салтовского могильника, среди которых 8 имели просверленное

---

² К сожалению, в настоящее время в коллекции Харьковского исторического музея им. Н. Ф. Сумцова данный набор астрагалов не был обнаружен, поэтому описание и рисунки граффити на астрагалах приводятся по отчету автора раскопок В. Г. Бородулина.

отверстие, а на 14 были зафиксированы различные знаки [Семенов-Зусер, 1952, с. 283, рис. 6]. На части этих астрагалов, по мнению Г. Ф. Турчинова, присутствовали меты, в которых исследователь видит осетинские слова (из дигорского и иронского диалектов) – «удача» (астрагал № 1), «цель» (№ 2), «достаток» (№ 3), «удача» (№ 4), «могила» (№ 6), «доблесть» (№ 7), «цель» (№ 8), «тягота» (№ 10), «счастье» (№ 11), «благополучный/невредимый» (астрагал № 12) [Турчинов, 1990, с. 115–117]. Таким образом, в расшифровке Г. Ф. Турчинова слова и меты на астрагалах из данной катакомбы Верхнего Салтова обозначают различные стороны человеческой личности и жизни. И если это признать верным, то данные астрагалы, скорее всего, использовались для гадания. На возможное использование бараньих астрагалов салтовским населением для гаданий указывали и другие исследователи [Нахапетян, 1989, с. 74–75, 83, Флёрова, 1997, с. 55–59].

В захоронениях могильника представлены астрагалы, взятые как из правой, так и из левой ноги животного. Подсчет по хорошо сохранившимся астрагалам показывает, что население Верхнего Салтова, по-видимому, не отдавало предпочтение косточкам, взятым из какой-то одной ноги животного, так как количество астрагалов, взятых из левой и правой ноги, различается несущественно – 56,4% и 43,6% соответственно. Граффити чаще представлены на косточках, взятых из правой ноги животных, тогда как все пять «битков» и две игральные кости с «глазками» оказались сделанными на астрагалах, взятых из левой ноги животного. Что касается астрагалов с отверстием для подвешивания (амулетов), то для них чаще использовались косточки из правой, чем из левой ноги барана (55,7% против 44,3% соответственно). При этом в каждом конкретном случае данные показатели существенно разнятся. Так, в катакомбе № 69 ВСМ-I из 36 астрагалов только 9 были взяты из правой ноги животного, а остальные 27 – из левой ноги, а отверстия для подвешивания присутствовали на двух надпяточных костях из левой ноги и на одной с правой ноги животного, еще на одном астрагале с правой ноги барана было начато отверстие для подвешивания. Надпяточные кости барана в катакомбе № 2 ВСМ-III были представлены 14 и 6 астрагалами, взятыми с левой и с правой ног животного соответственно. Так как в этой камере астрагалы располагались двумя группами по 14 и 6 астрагалов в кучке у голов двух погребенных людей (рис. 6: 1), то соблазнительно предположить, что рядом с покойниками лежали астрагалы, взятые только из одной ноги барана – левой или правой. Однако, к сожалению, распределение

надпяточных косточек барана по кучкам в данном захоронении изначально не было зафиксировано. В катакомбе № 29 ВСМ-I, где астрагалы также располагались двумя группами по 14 и 9 надпяточных косточек барана возле одного покойника (*рис. 7: 1*), зафиксированы 16 левых и 7 правых астрагалов. Можно предположить, что салтовцы в силу каких-то причин при отборе астрагалов для своих нужд, отдавали предпочтение косточкам, взятым из левой ноги животного. Возможно, это связано с воззрениями в контексте бинарных оппозиций «правый–левый / мужской–женский».

Следует отметить, что астрагалами-амулетами довольно часто становились кости, у которых один из боков был преднамеренно подработан. Чаще это был бок – противоположный боку, считавшемуся наилучшим (выигрышным) при разнообразных играх на вбрасывание. В таком случае можно предположить, что для превращения игровой кости в подвеску-амулет предпочтение отдавалось астрагалу, неоднократно приносившему победу в играх, т.е. обладающему большой удачей, везением.

Расположение астрагалов в погребальных камерах Верхнего Салтова показывает, что отведенное для них место носило неслучайный характер. Фиксируется несколько мест нахождения астрагалов: непосредственно на теле погребенного; рядом с костяком конкретного человека; в стороне от костяков людей, что не позволяет определить, кому из погребенных они могли принадлежать. Разное место нахождения надпяточных костей барана в камере, как представляется, было обусловлено тем предназначением, которое они играли в жизни погребенного человека, а также той функцией, какую отводили им живые родственники умершего, помещая их в захоронение.

Если астрагалы принадлежали конкретному человеку, то они лежат: 1) в районе пояса или у кисти одной из рук; 2) возле головы погребенного человека; 3) возле ног человека; 4) среди посмертных даров, предназначенных конкретному покойнику.

Так, бараньи надпяточные косточки, которые использовались в качестве битков, в трех из пяти случаев располагались в районе таза погребенного человека, у кисти одной из рук. В катакомбе № 39 ВСМ-I биток находился у костей таза подростка, тогда как остальные 13 астрагалов лежали кучкой у его черепа (*рис. 6: 2*). В катакомбе № 96 ВСМ-IV на поясе погребенного ребенка (№ 3) рядом с набором из двух ножей лежали четыре астрагала (*рис. 8: 1*). Размещение астрагалов в районе пояса погребенного, иногда вместе с ножами,

элементами поясной гарнитуры, бронзовыми бубенчиками, отмечалось еще В. А. Бабенко (например: кат. № 9, 14, 44, раскопки 1911 г.) [Бабенко, 1914, с. 452, 454, 464]. Они, возможно, находились в сумочках и могли представлять наборы для игр, помещенные в камеру вместе с их владельцами. Наборы для игры в виде кучки астрагалов могли располагаться и у головы одного из погребенных в камере людей. Так, в катакомбе № 2 ВСМ-III астрагалы располагались в виде двух кучек из 6 и 14 экземпляров у черепов погребенных № 1 и № 3 соответственно (рис. 6: 1). В катакомбе № 29 ВСМ-I все 23 астрагала принадлежали молодому мужчине и располагались двумя группами у его сабли. Кучка из 9 астрагалов, среди которых находились два астрагала с отверстием для подвешивания и один астрагал с граффити, располагалась у рукояти сабли (рис. 7: 1), тогда как остальные 14 астрагалов образовывали цепочку вдоль сабельного клинка.

Астрагалы с отверстием для подвешивания, выполнявшие роль амулетов, зачастую располагались на теле погребенного человека (дети в возрасте до 10 лет). Так, в катакомбе № 140 ВСМ-IV все четыре астрагала с отверстием для подвешивания были найдены попарно в районе пояса ребенка (рис. 9: 1) вместе с бронзовыми спиралевидными пронизьями, тремя бронзовыми литыми бубенчиками и пятью бисеринами синего цвета. Вероятно, они могли быть как подвешенными к поясу, так и вплетенными вместе с бубенчиками и бусами в косы. В катакомбе № 72 ВСМ-IV, содержащей захоронения четверых детей младшего возраста, у двоих погребенных астрагалы находились в районе пояса. У одного ребенка (№ 1) астрагал с отверстием для подвешивания находился у правой тазовой кости, у левой тазовой кости лежали еще два астрагала, один из которых имел граффити (рис. 10: 1). У второго ребенка (№ 2) на поясе вместе с железным ножом было обнаружено четыре астрагала, два из которых имели отверстие для подвешивания (рис. 10: 1).

Довольно часто единичные астрагалы и их наборы располагались в стороне от тел погребенных людей, и связать их с конкретным покойником не представляется возможным. При этом они лежат рядом с остатками жертвенной пищи, представленными керамическим сосудом и/или костью животного. Так, в катакомбах Т-образного типа (№ 28, 36, 60, 73 ВСМ-I, № 3, 6, 7, 10, 16, 29, 30, 39, 51, 67, 96, 99, 115, 116, 121, 126 ВСМ-IV) астрагалы найдены в левом ближнем углу камеры или у ее боковой стенки, за головами людей [Аксёнов, 2015, рис. 3: 8; Аксёнов, 2016, рис. 1: 1, 30; рис. 6: 1], там, где обычно

оставлялась жертвенная пища. Так, в катакомбе № 29 ВСМ-IV между левой боковой стенкой погребальной камеры и черепом ребенка (№ 2) одиночный астрагал лежал рядом с трубчатой костью молодой особи МРС (рис. 7: 2). В камере катакомбы № 69 ВСМ-I, где были обнаружены останки троих человек, слева от входа в камеру компактно лежали 36 астрагалов и трубчатая кость овцы (рис. 11: 2). Так же располагались астрагалы и в погребальной камере катакомбы № 73 ВСМ-I (рис. 11: 1). Такое же расположение астрагалов было отмечено в катакомбах, раскопанных под руководством В. А. Бабенко (№ 6, 1912 г.), С. А. Семенова-Зусера (№ 1, 17 1946 г., № 2 1947 г.) и Д. Т. Березовца (№ 16, 17) [Бабенко, 1914, с. 477; Березовец, 1959–1961, с. 25, 26; Семенов-Зусер, 1946, с. 2, 23; Семенов-Зусер, 1947, с. 3]. Помещение надпяточных костей барана в погребальных камерах рядом с жертвенной пищей имело совершенно другую цель, чем просто обеспечить едой умерших на время перехода из мира живых в мир мертвых. Так как баран у осетин считался символом изобилия, плодородия, счастья и богатства, то в контексте воззрений *pars – pro totius* помещение в могилу астрагалов, возможно, преследовало сразу несколько целей. Во-первых, они выступали зрительным свидетельством имущественного положения умершего в мире живых (количество надпяточных косточек барана в могиле отражало количество голов МРС у покойного/его семьи). Во-вторых, в потустороннем мире кости превращались в целое животное, и таким образом обеспечивали достойную жизнь покойнику в мире мертвых. В-третьих, помещение астрагалов в могилу вместе с покойным должно было способствовать размножению скота в мире живых [Флёрова, 2001, с. 108]. Так, у многих кочевых народов астрагалы зарывали в землю в надежде, что в стаде хозяина, сделавшего это, прибавится столько же голов овец, сколько он зарыл овечьих астрагалов [Сунчугашев, 1963, с. 149]. В-четвертых, если это были игральные кости умершего человека, то помещенные в могилу астрагалы символизировали его удачу, которую покойник забрал с собой на тот свет.

Значительно реже астрагалы в катакомбах Верхнего Салтова лежали в ногах погребенных людей. В катакомбах с продольным расположением погребальных камер относительно дромоса астрагалы находились в том же левом ближнем углу погребальной камеры, что и в Т-образных катакомбах, но отдельно от жертвенной пищи, которая оставлялась в головах погребенных людей (катакомбы № 26 ВСМ-I, № 9, 14, 98 ВСМ-IV) (рис. 12: 2). При этом здесь

лежали как астрагалы без следов дополнительной обработки (тип II), так и астрагалы со следами подточки (тип I, вид 1А) и с просверленным отверстием для подвешивания (тип I, вид 1Б, 3Б). Реже наборы астрагалов, лежавшие в ногах погребенных людей, представлены в Т-образных катакомбах могильника (№ 15, 40 ВСМ-I, № 17 ВСМ-IV) (рис. 12: 1) [Хоружая, 2009, рис. 8: 1]. В ногах погребенного ребенка лежали астрагалы и в грунтовом погребении № 16 ВСМ-I (рис. 10: 2). В состав наборов астрагалов в данных захоронениях так же входили надпяточные кости барана без следов обработки (типа II), астрагалы с подточкой, астрагалы с отверстиями для подвешивания, а также астрагалы с нанесенными граффити (кат. № 15, погр. № 16 ВСМ-I), биток (погребение № 16). Интересно, что самый большой на сегодняшний день по количеству набор астрагалов (67 экземпляров) также находился в ногах погребенного человека, в специально сделанном в полу камеры углублении (кат. № 4, 1948 г.) [Семеров-Зусер, 1952, с. 283].

В отдельных случаях астрагалы одновременно располагались сразу в нескольких отмеченных выше местах. Так, в той же катакомбе № 4 (1948 г.) из раскопок С. А. Семенова-Зусера, помимо 67 астрагалов, располагавшихся в ногах погребенного мужчины, еще два астрагала без всяких следов дополнительной обработки лежали у коленного сустава его правой ноги. Два астрагала без следов преднамеренной обработки были обнаружены в районе пояса погребенных людей в катакомбе № 39 ВСМ-IV, тогда как еще три надпяточные косточки барана без следов обработки лежали в левом ближнем углу камеры рядом с остатками жертвенной пищи (рис. 9: 2). В районе пояса погребенного № 4 в катакомбе № 96 ВСМ-IV было найдено 3 астрагала, а еще 9, два из которых имели отверстия для подвешивания, лежали за черепом погребенного в левом ближнем углу погребальной камеры (рис. 8: 2).

Таким образом, рассмотренные материалы катакомбных захоронений могильника у с. Верхний Салтов показывают, что астрагалы из ног овец и баранов являлись важным элементом в погребальном обряде, а следовательно – и в жизни аланского населения, оставившего данный некрополь.

Существует несколько гипотез применения астрагалов в погребальном обряде индоевропейского и индоиранского населения степной полосы Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа [Грищук, 2013, с. 24–34; Ковалева, 1990, с. 59–71; Литвиненко, 2005, с. 74–86; Сотникова, 2014, с. 26–34]. Наиболее полно существующие

гипотезы применения астрагалов народами Восточной Европы рассмотрены В. В. Цимидановым, который свел их к нескольким основным позициям: а) астрагалы служили амулетами; б) астрагалы применялись в переходных обрядах; в) астрагалы являлись игрушкой детей и подростков; астрагалы служили для игры взрослых; д) астрагалы использовались в календарных играх, имеющих ритуально-магическое направление [Цимиданов, 2001, с. 222]. В. В. Цимиданов отметил, что с течением времени и при переходе от культуры к культуре семантика, связанная с использованием астрагалов, изменялась: от астрагалов как элементов в ритуальных играх и помещения их в могилы лиц, связанных при жизни с ритуальной средой (срубная эпоха), до превращения их в амулеты (позднескифское время) [Цимиданов, 2001, с. 236, 244]. При этом исследователь считает, ссылаясь на данные этнографии, что игры с астрагалами могут существовать параллельно с практикой использования их в качестве амулетов. По наблюдениям В. В. Цимиданова, игровые наборы астрагалов из погребальной практики индоиранского населения степей постепенно выпадают, а находимые в захоронениях таранные кости МРС являются, в основном, амулетами [Цимиданов, 2001, с. 244].

Астрагалы как элемент материальной культуры у народов юга Восточной Европы эпохи раннего средневековья рассматривались также в ряде специализированных работ [Закирова, 1988, с. 233; Сергеева, 2002, с. 50–58; Флёрова, 2001, с. 108–111]. По мнению В. Е. Флёровой, астрагалы в этот хронологический период могли употребляться как амулеты, как детали идольчиков, как застёжки, в приборах для добывания огня, для игры, для гаданий [Нахапетян, 1989, с. 73–89; Флёрова, 2001, с. 108].

Материалы захоронений Верхне-Салтовского катакомбного могильника показывают, что надпяточные кости МРС (барана, овцы) у населения, оставившего данный памятник, использовались для разнообразных игр, как подвески-амулеты и, вероятно, в качестве специальных деталей одежды («держалок»).

Присутствие в погребениях астрагалов без дополнительной обработки и костей-битков свидетельствует о распространении у данного населения какой-то разновидности игры на выбивание, типа «токси» у осетин [Гагиев, 1980, с. 63–64]. Обнаружение астрагалов с «глазками», с подточенным одним боком/стороной, а также одного игрального кубика, следует рассматривать как свидетельство о знакомстве населения с играми на вбрасывание, т.е. на «удачу».

Астрагалы без каких-либо следов обработки могли использоваться данным населением и в играх «на ловкость», главная задача в которых определялась как «подбрось–собери–поймай».

Необходимо отметить, что астрагалы в катакомбах Верхнего Салтова сопровождают костяки детей, подростков и – реже – молодых мужчин (кат. № 15, 29 ВСМ-I, № 30 ВСМ-IV). Тем самым подтверждаются данные этнографии – о том, что в игры с астрагалами у осетин играли в основном дети и юноши, хотя не чужды они были и взрослым мужчинам [Гагиев, 1980, с. 65]. При этом играли обычно в зимнее время года до весны, до прилета ласточек [Гагиев, 1980, с. 65] и зачастую на льду (сказание «Как Сосрыко убил Богатыря Мукару, сына Пара») [Нарты..., 1989, с. 133, 135].

Обнаружение надпяточных костей барана рядом с остатками жертвенной пищи или в месте, где ее зачастую оставляли, позволяет предположить, что в этом случае астрагалы, несмотря на то что они использовались для игр, выступали символами благополучия, изобилия, благодати, плодородия. Известно культовое использование астрагалов в молениях, направленных на то, чтобы божество даровало здоровое (мужское) потомство [Гагиев, 1980, с. 65; Чибиров, 1983, с. 99]. У осетин известно высказывание, когда здорового и красивого мальчика сравнивают с альчиком барана [Чибиров, 1984, с. 121]. В сказаниях о нартах, в описании игр с бараными астрагалами четко просматривается заложенная в них идея плодородия и изобилия: «Вот Созырыко бросил (*астрагал*), и сколько в три дня намолотит человек, столько из того альчика высыпалось проса...» [Нарты..., 1989, с. 111]. В другом рассказе Созырыко взял два астрагала, ударил один о другой, и «появилась пашня размером в двенадцать участков, и каждый участок двенадцатью мерами зерна засеян» [Нарты..., 1989, с. 138]. Эта связь бараньих астрагалов с идеей плодородия, здоровья и благополучия обуславливала то, что они использовались населением Верхнего Салтова как амулет-оберег. Нанесение на некоторые астрагалы граффити направлено было только на усиление их магических свойств. Хотя нельзя исключить и того, что астрагалы с граффити могли использоваться для гаданий.

Все выше изложенное указывает на многообразие функций бараньего астрагала у аланского населения, оставившего Верхне-Салтовский могильник: от предмета для игр и детали одежды («держалка») до элемента, наделенного сакральными свойствами и выполняющего роль амулета.

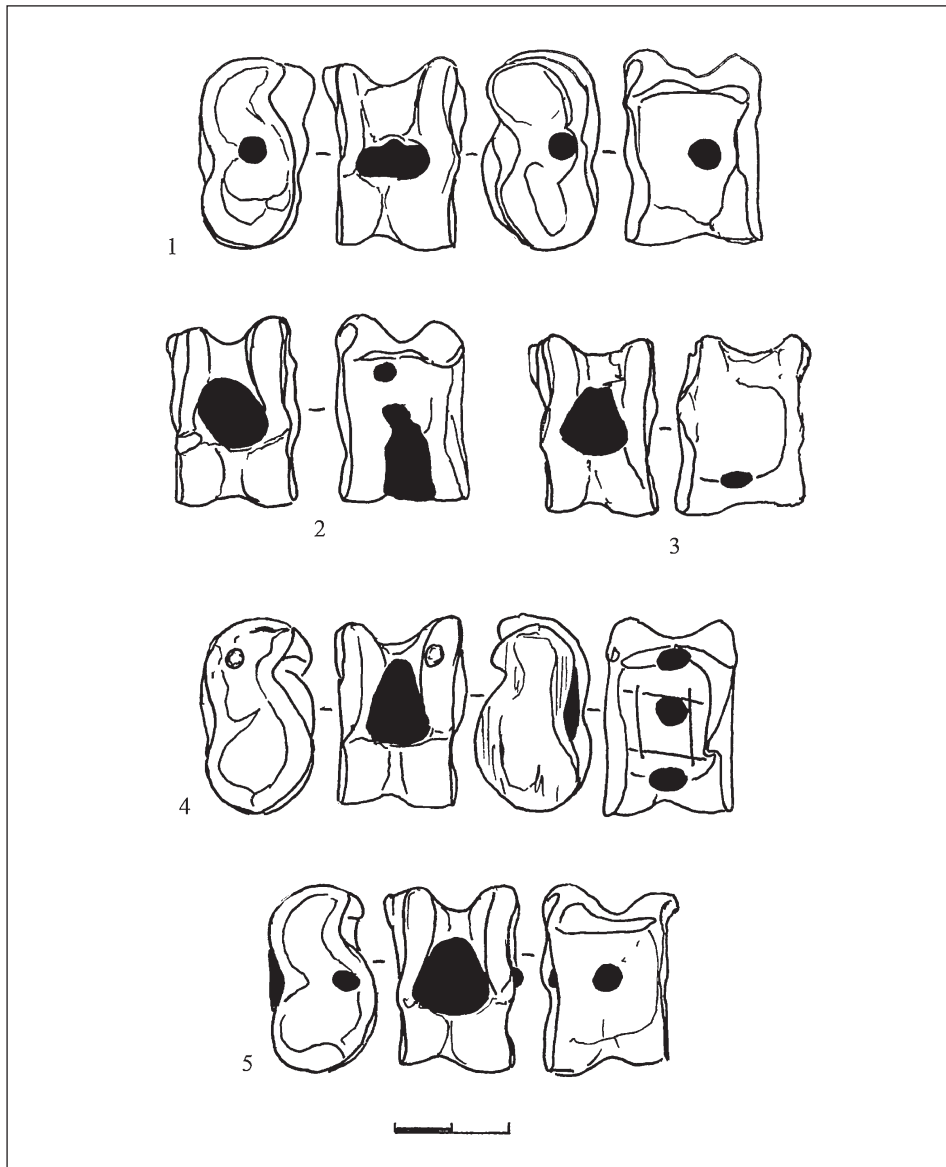

Рис. 1.

Битки из захоронений могильника у с. Верхний Салтов:
 1 – кат. № 11 ВСМ-I; 2 – кат. № 39 ВСМ-I; 3 – кат. № 48 ВСМ-I;
 4 – погр. № 16 ВСМ-I; 5 – кат. № 138 ВСМ-IV

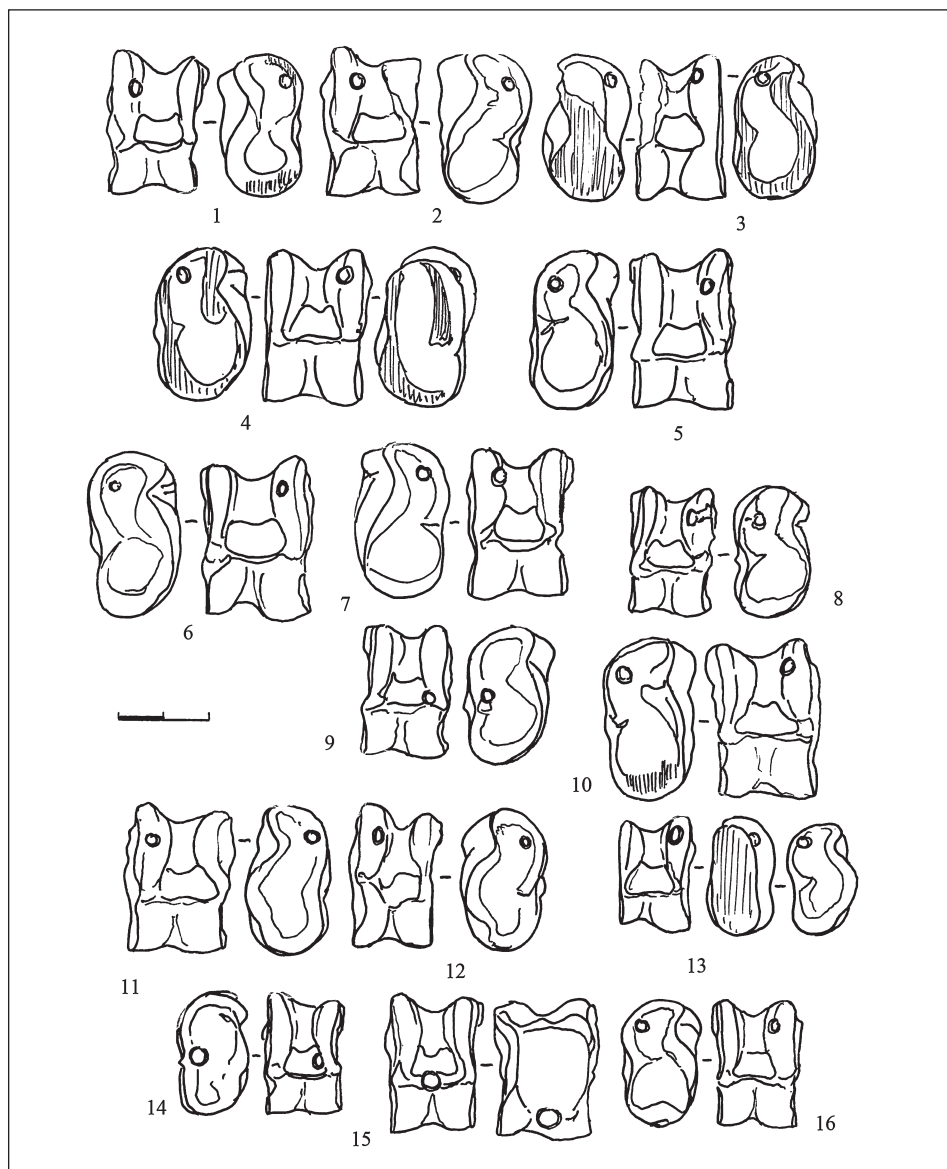

Рис. 2.

Астрагалы с отверстиями для подвешивания из катакомб Верхнего Салтова: 1–3 – кат. № 28 ВСМ-I; 4, 5 – кат. № 29 ВСМ-I; 6–8 – кат. № 39 ВСМ-I; 9 – кат. № 51 ВСМ-I; 10 – кат. № 36 ВСМ-I; 11, 12 – кат. № 40 ВСМ-I; 13 – кат. № 60 ВСМ-I; 14–16 – кат. № 69 ВСМ-I

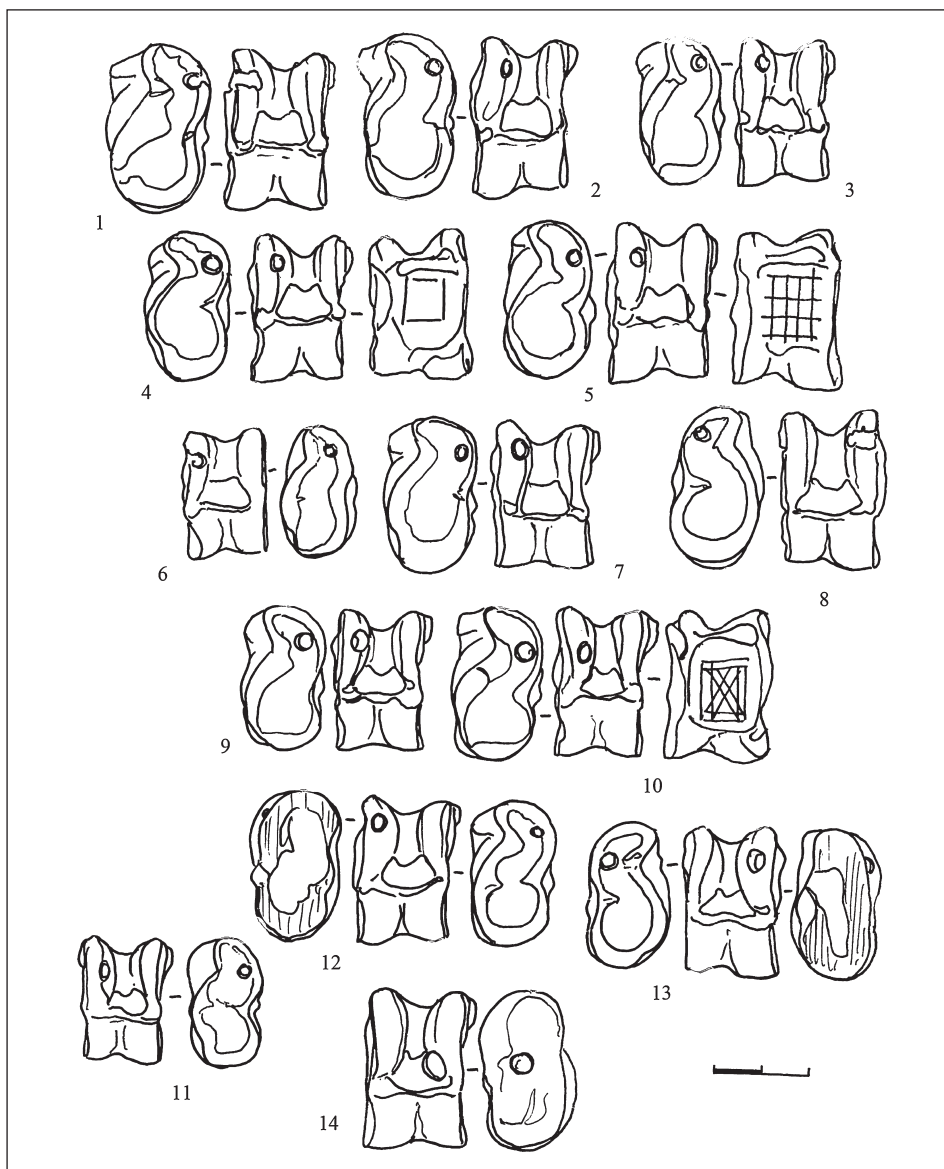

Рис. 3.

Астрагалы с отверстиями для подвешивания из катакомб
 Верхнего Салтова: 1–5 – кат. № 73 ВСМ-I; 6, 7 – погр. № 16 ВСМ-I;
 8 – кат. № 10 ВСМ-IV; 9, 10 – кат. № 7 ВСМ-IV; 11, 12 – кат. № 14 ВСМ-IV;
 13 – кат. № 16 ВСМ-IV; 14 – кат. № 17 ВСМ-IV

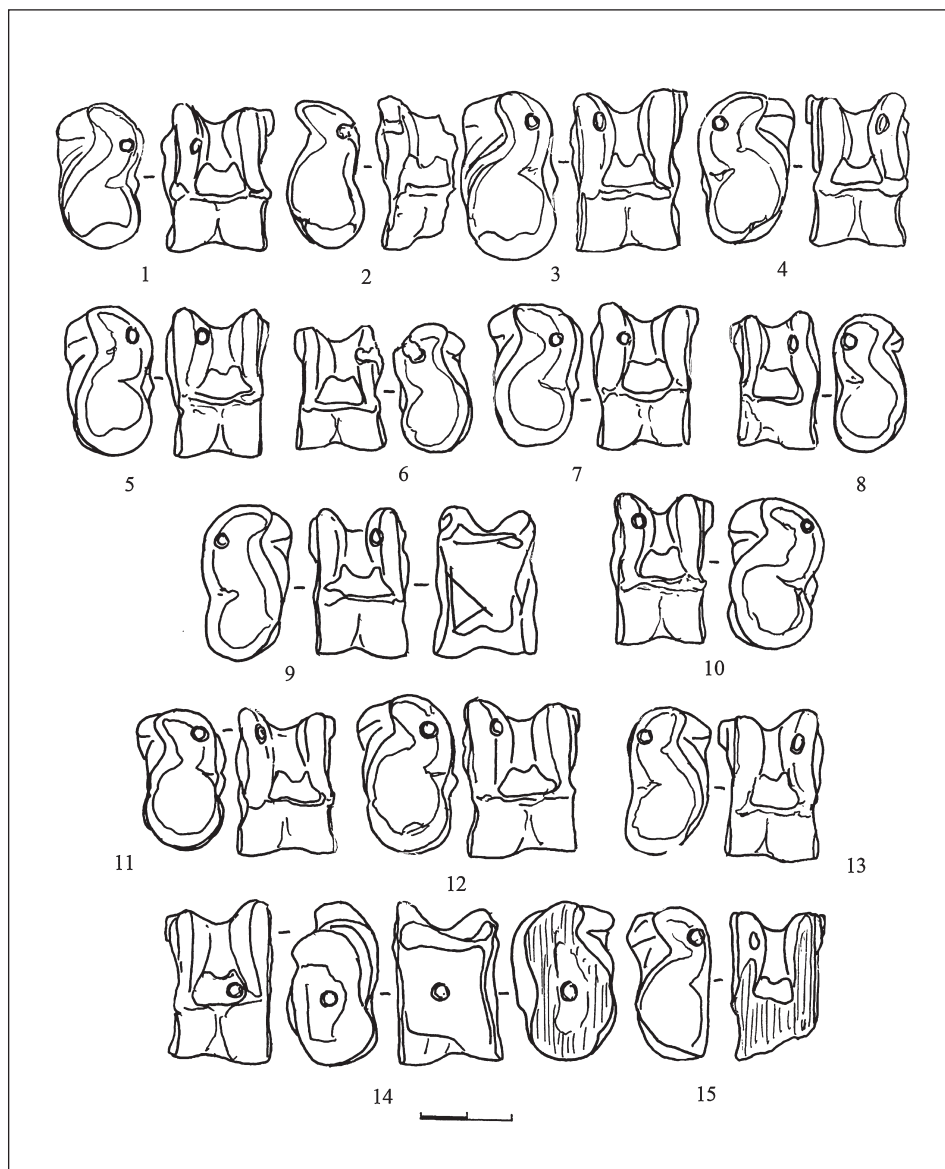

Рис. 4.

Астрагалы с отверстиями для подвешивания из катакомб
 Верхнего Салтова: 1–4 – кат. № 30 ВСМ-IV; 5 – кат. № 67 ВСМ-IV;
 6–8 – кат. № 72 ВСМ-IV; 9 – кат. № 73 ВСМ-IV; 10 – кат. № 75 ВСМ-IV;
 11, 12 – кат. № 89 ВСМ-IV; 13 – кат. № 116 ВСМ-IV; 14, 15 – кат. № 96 ВСМ-IV

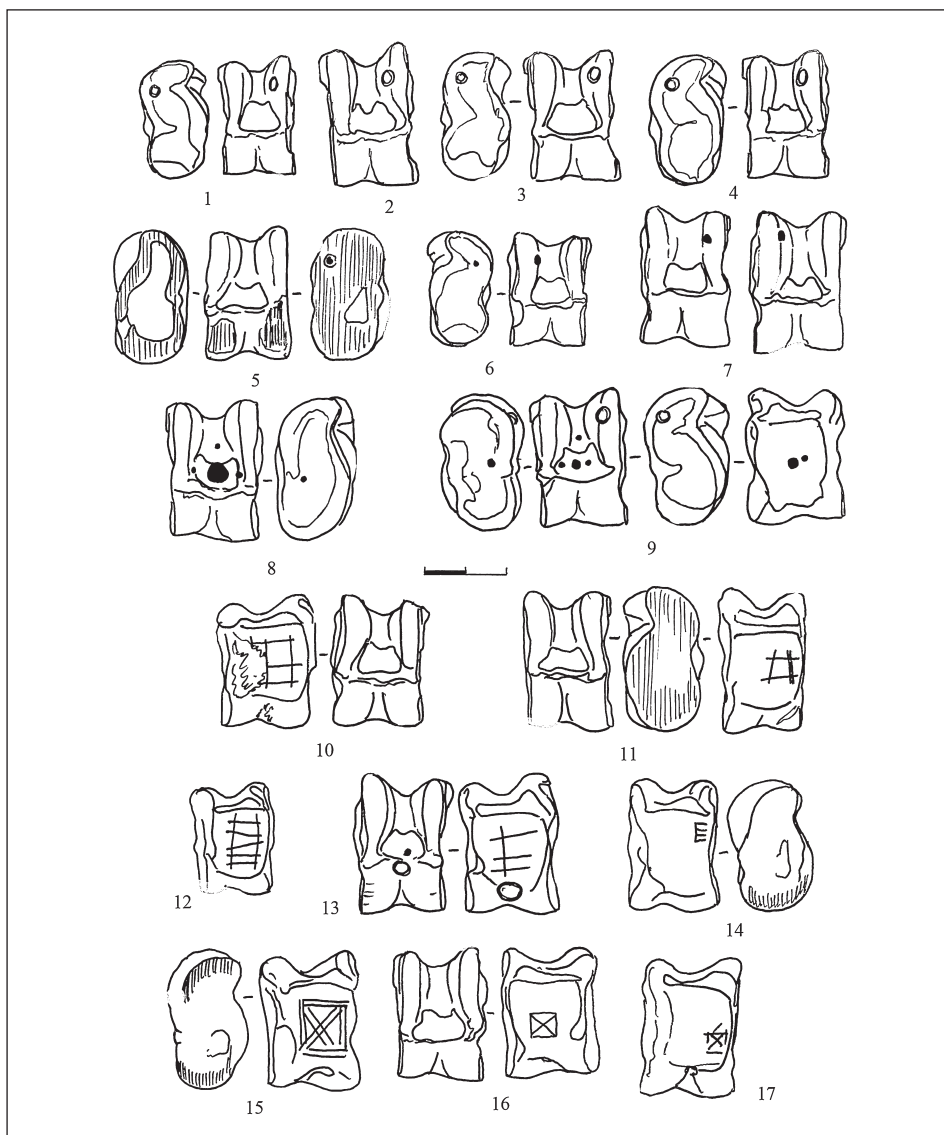

Рис. 5.

Астрагалы с отверстиями для подвешивания, с «глазками», с граффити из катакомб Верхнего Салтова: 1–4 – кат. № 140 ВСМ-IV; 5, 8 – кат. № 10 ВСМ-IV; 6 – кат. № 69 ВСМ-I; 7 – кат. № 89 ВСМ-IV; 9 – кат. № 73 ВСМ-IV; 10 – кат. № 2 ВСМ-III; 11 – кат. № 72 ВСМ-IV; 12 – кат. № 29 ВСМ-I; 13 – кат. № 121 ВСМ-IV; 14, 15 – кат. № 36 ВСМ-I; 16 – кат. № 10 ВСМ-I; 17 – кат. № 40 ВСМ-I

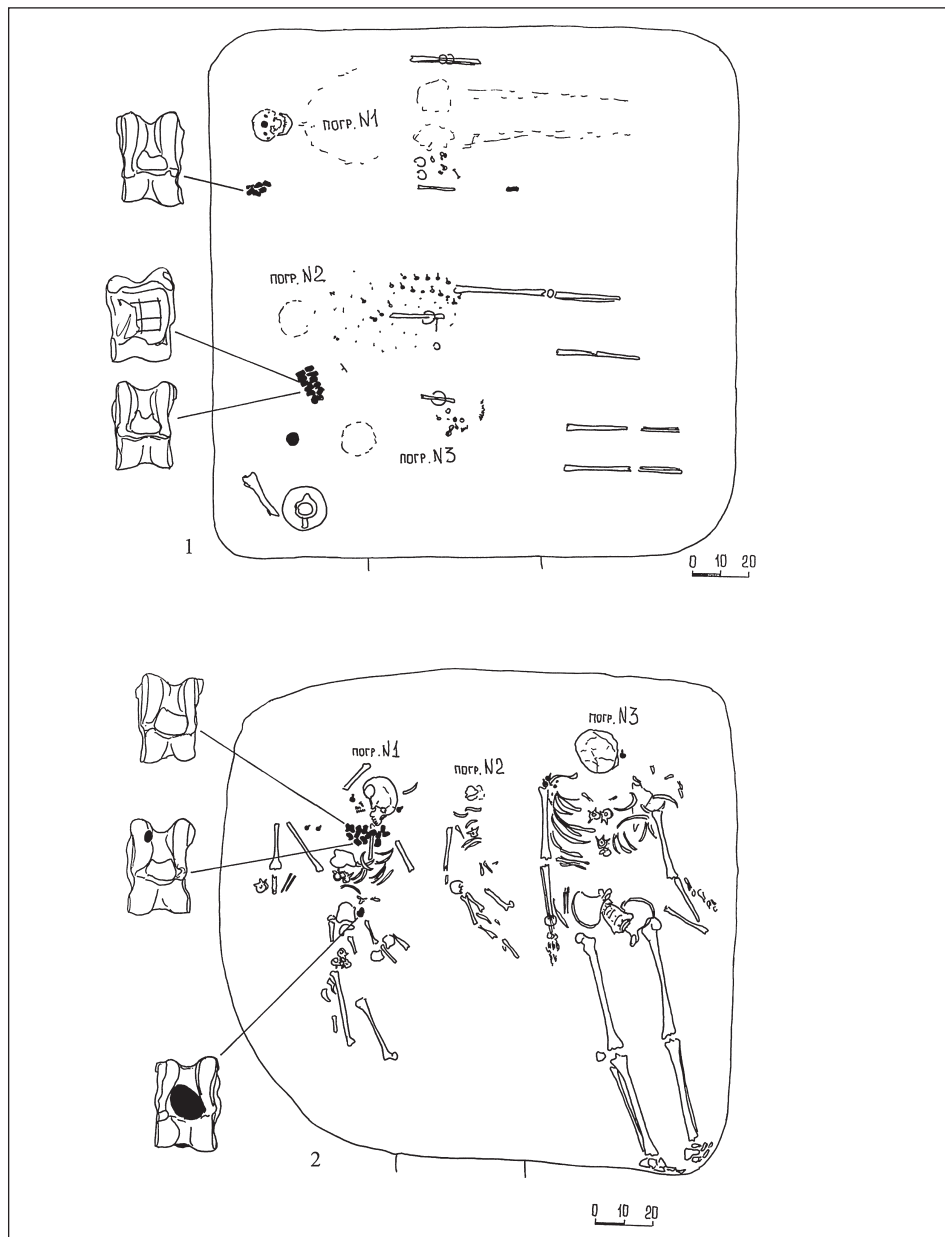

Рис. 6.

Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами:
 1 – кат. № 2 ВСМ-III; 2 – кат. № 39 ВСМ-I

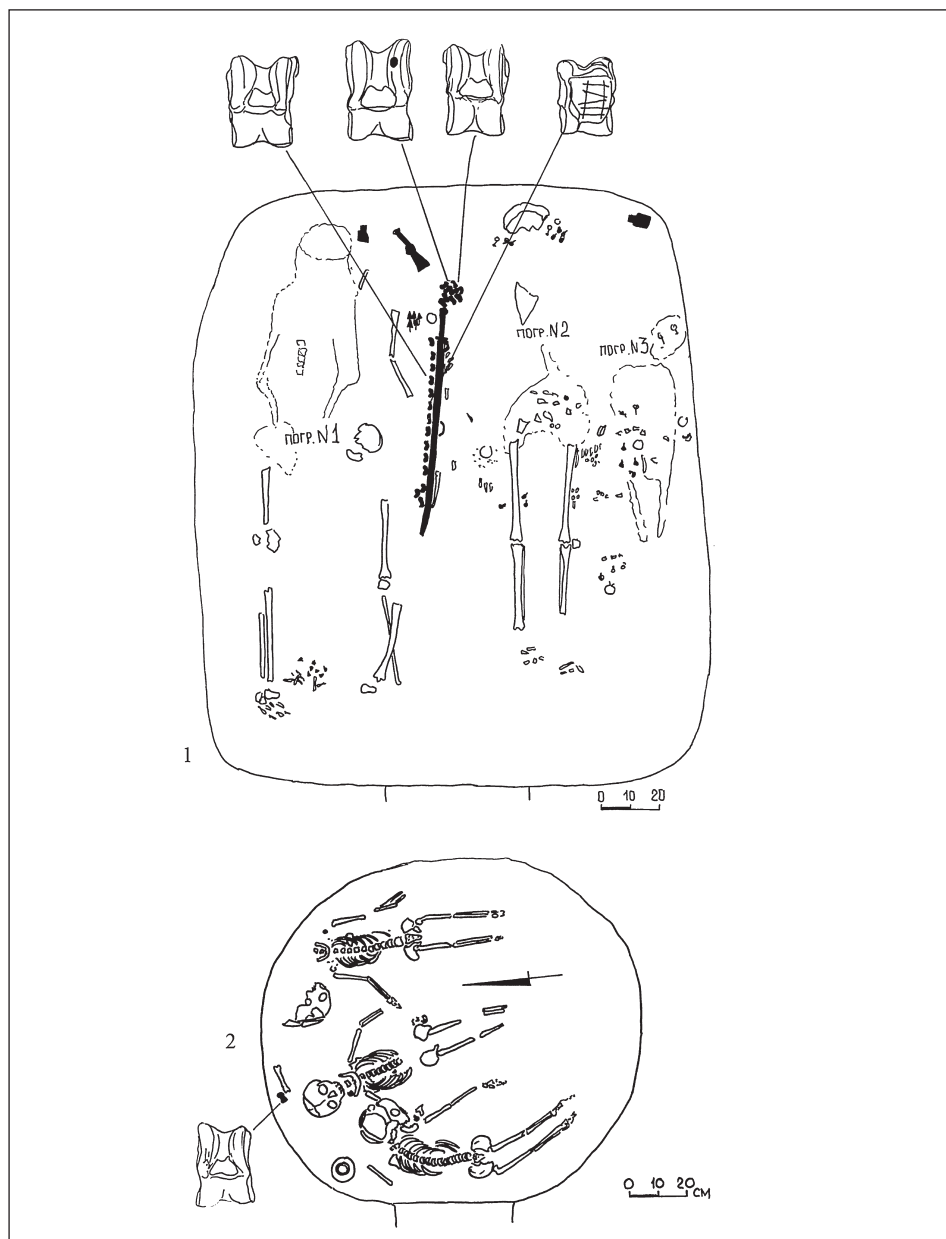

Рис. 7.

Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами:
 1 – кат. № 29 ВСМ-I; 2 – кат. № 29 ВСМ-IV

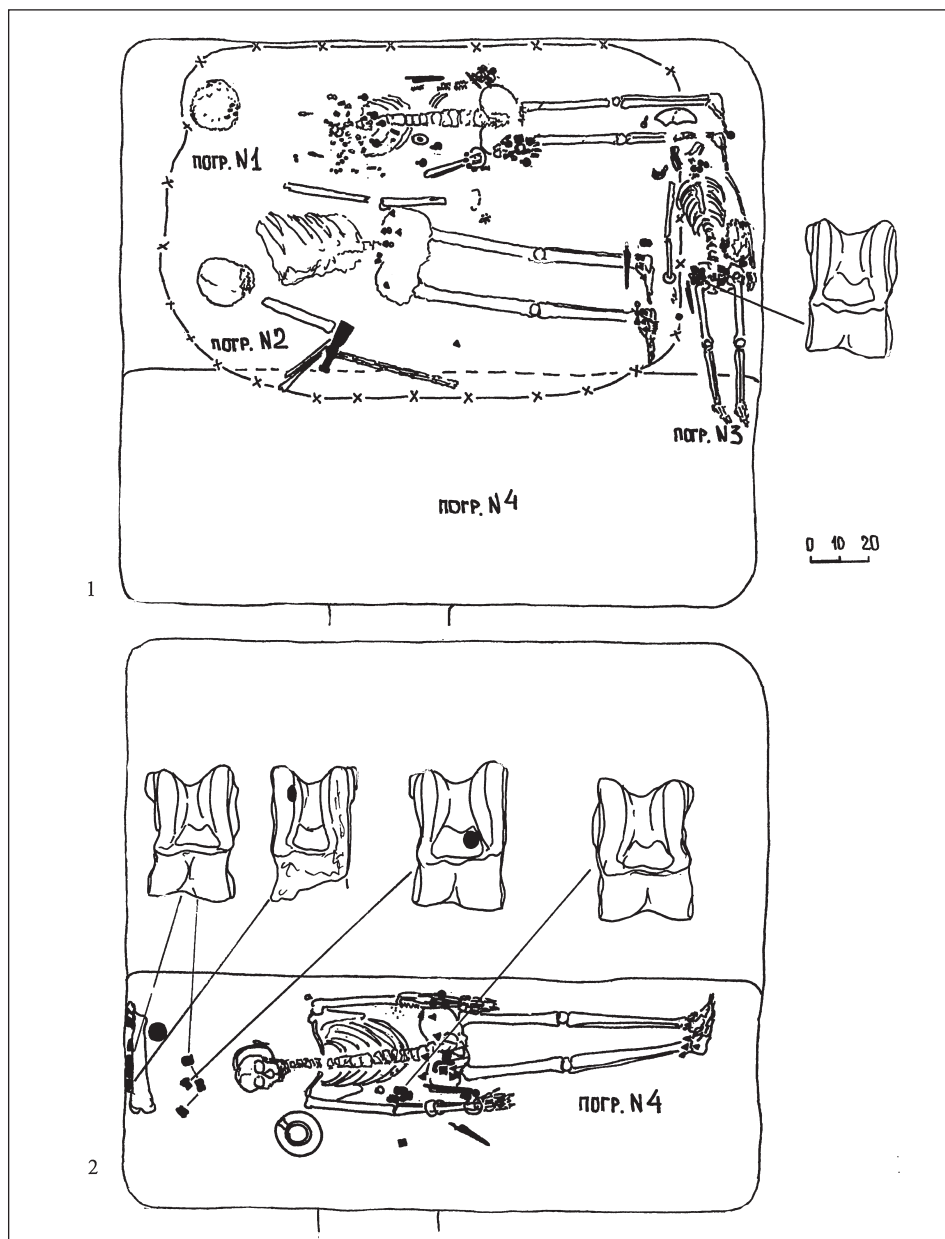

Рис. 8.

Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами:
 1 – погр. № 3 кат. № 96 ВСМ-IV; 2 – погр. № 4 кат. № 96 ВСМ-IV

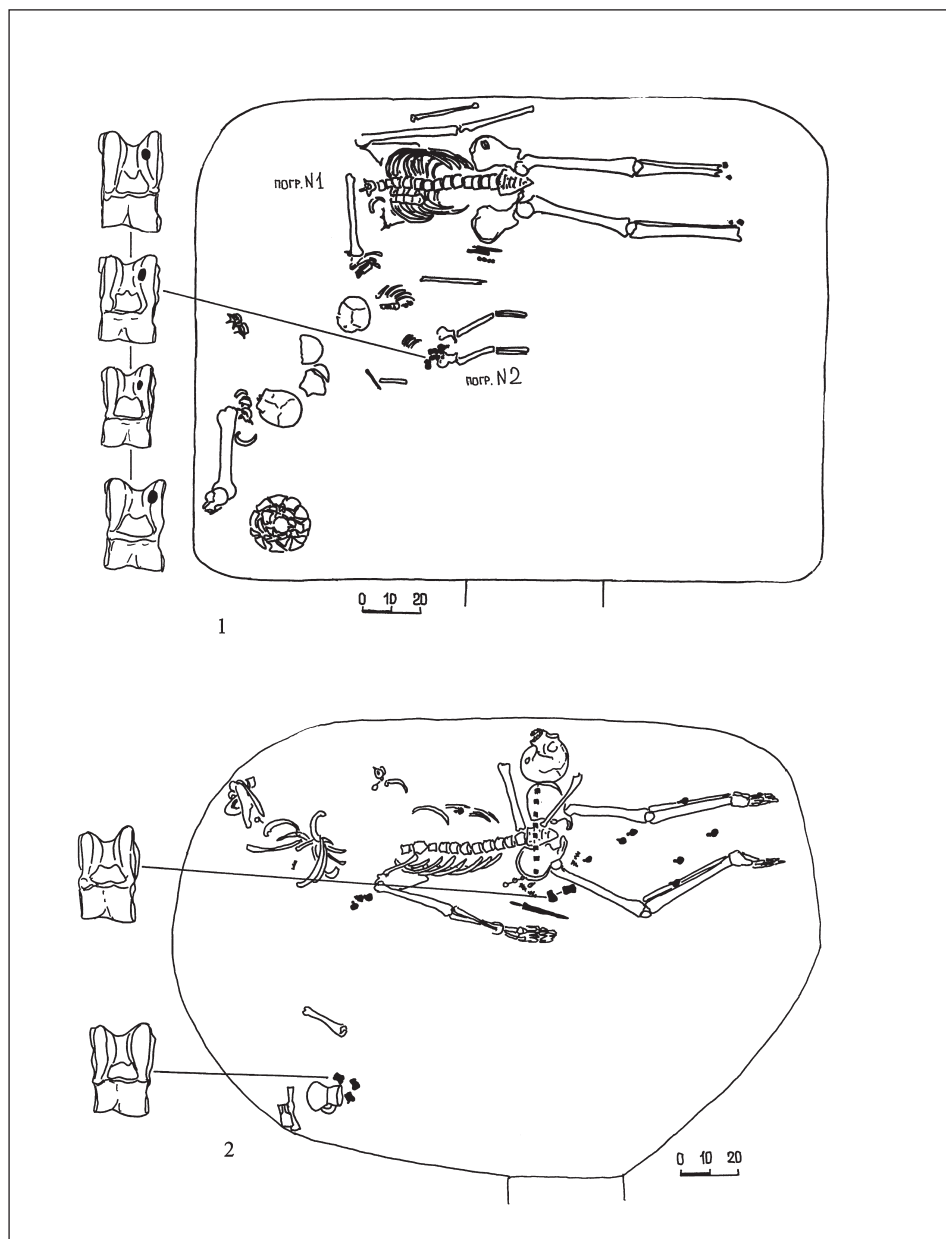

Рис. 9.
Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами:
1 – кат. № 140 ВСМ-IV; 2 – кат. № 39 ВСМ-IV

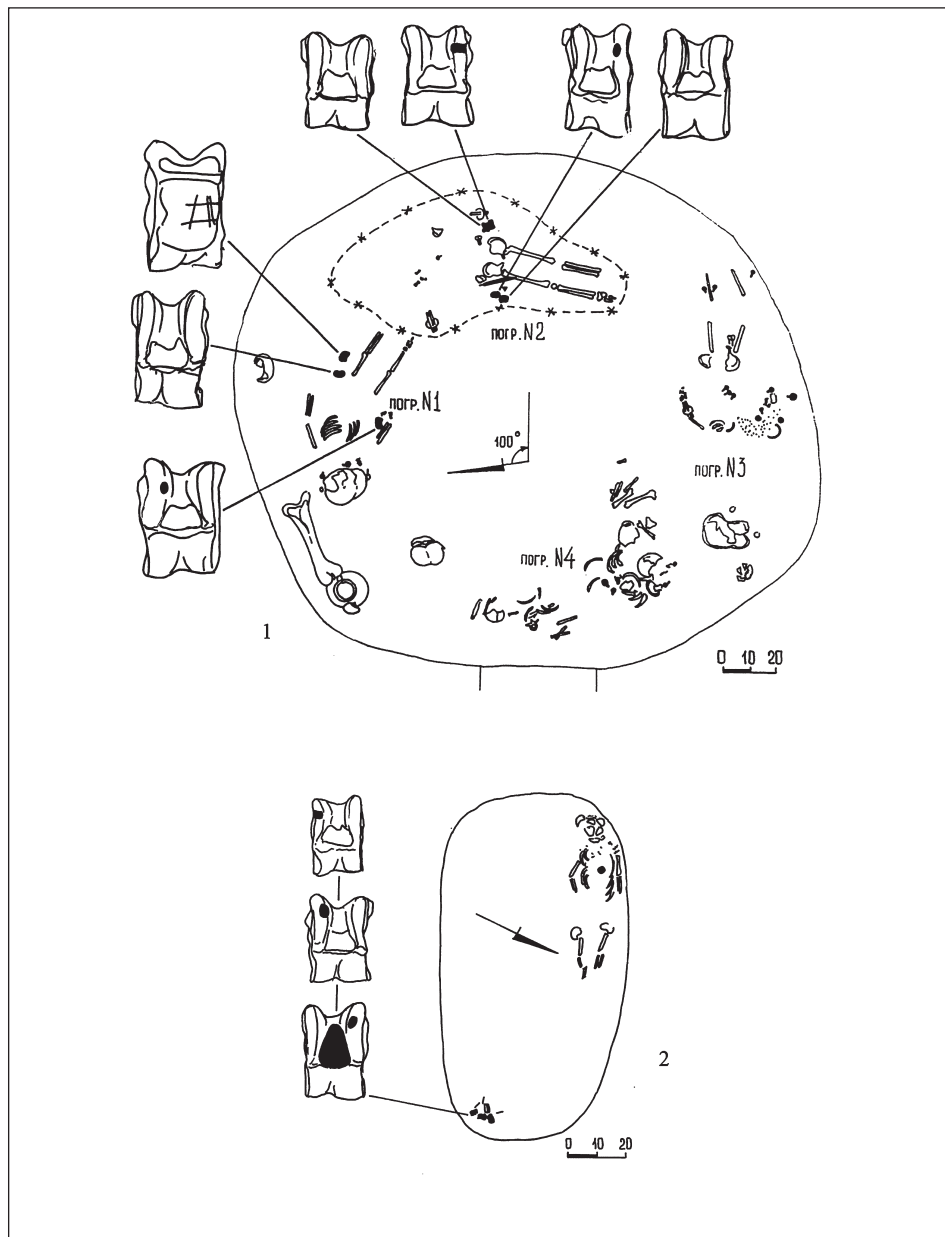

Рис. 10.
 Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами.
 1 – кат. № 72 ВСМ-IV; 2 – погр. № 16 ВСМ-I

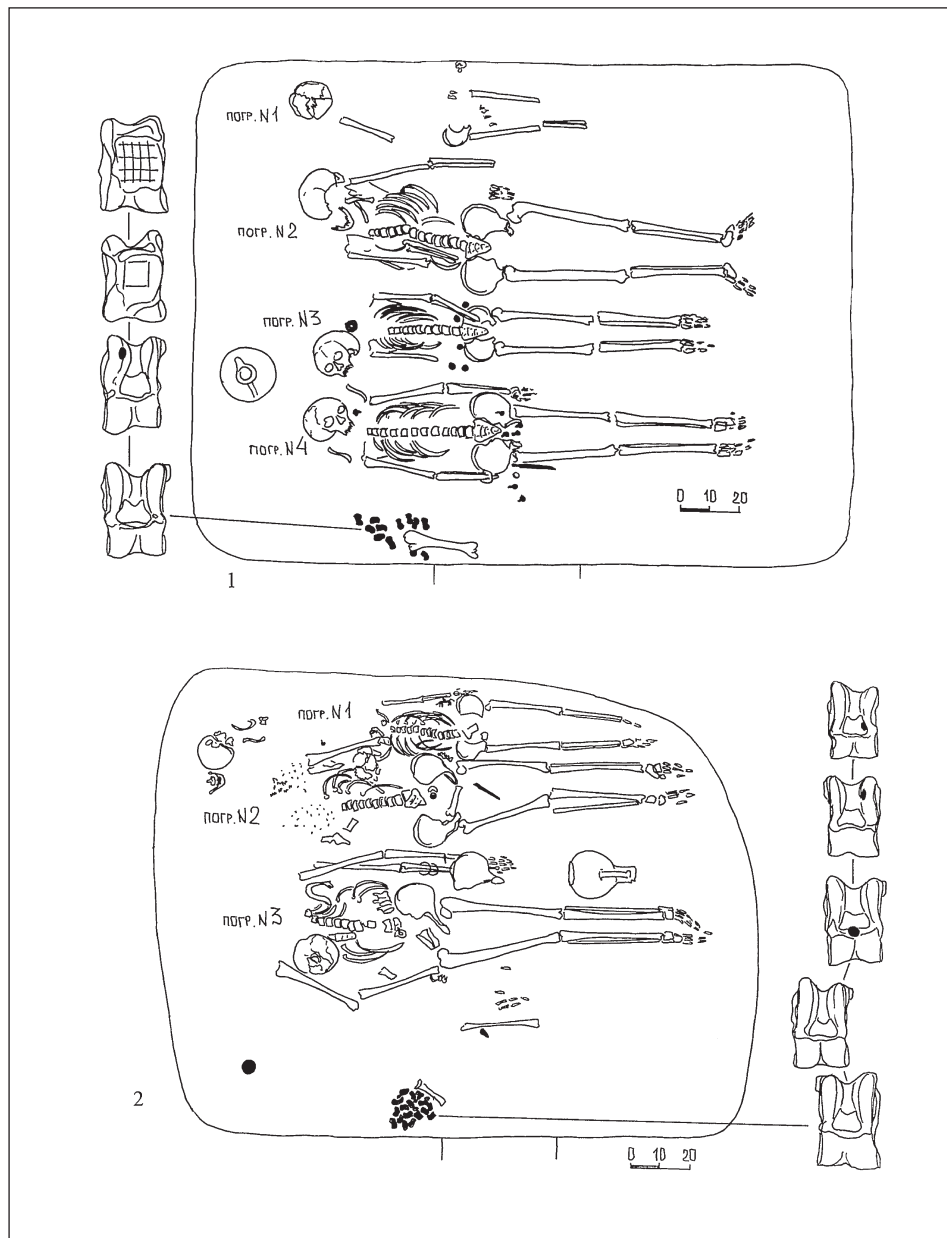

Рис. 11.
Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами.
1 – кат. № 73 ВСМ-I; 2 – кат. № 69 ВСМ-I

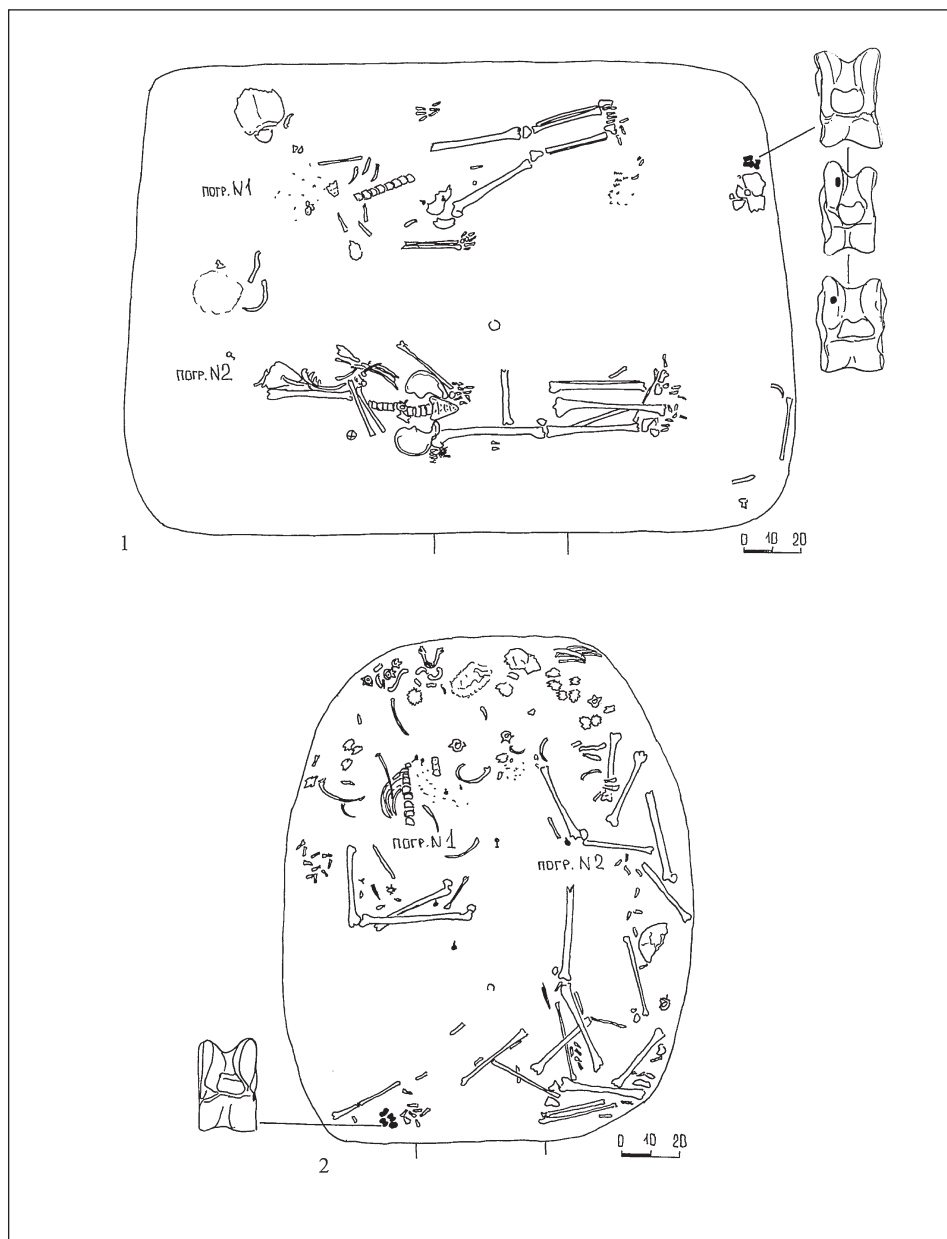

Рис. 12.
 Захоронения Верхнего Салтова с астрагалами.
 1 – кат. № 40 ВСМ-I; 2 – кат. № 26 ВСМ-I

Литература

- Аксёнов В. С. Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. Т. 13. М., 2015.
- Аксёнов В. С. Подвески-амулеты в виде коней из катакомбных захоронений Верхне-Салтовского могильника: типология и хронология // Хазарский альманах. Т. 14. Москва, 2016.
- Бабенко В. А. Дневник раскопок 1911 года // Труды XV археологического съезда в Новгороде 1911 года. Т. 1. М., 1914.
- Березовец Д. Т. Отчет о раскопках раннесредневековых памятников у с. Верхний Салтов, Старосалтовского района Харьковской области в 1959–1961 гг. // Архів Інституту археології НАН України. ф. о. 3984.
- Гагиев С. Г. Осетинские национальные игры. Орджоникидзе, 1980.
- Грищук О. М. Астрагали як елемент поховального обряду населення дніпро-донецької бабинської культури // Донецький археологічний збірник. № 17. Донецьк, 2013.
- Закирова И. А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М., 1988.
- Ковалева И. Ф. Срубные погребения с набором альчи́ков // Исследования по археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1990.
- Литвиненко Р. О. Похороняния культурного кола Бабино з астрагалами // Древности 2005. Харьков, 2005.
- Нарты. Осетинский героический эпос. Кн. 2. М., 1989.
- Нахапетян В. Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Клейн Л. С. Происхождение нуля или древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом // Стратум: структуры и катастрофы. Сборник символической индоевропейской истории. СПб, 1997.
- Кызласов Л. Р. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Нахапетян В. Е. О назначении знаков на астрагалах (салтово-маяцкая культура) // Ранние болгары в Восточной Европе. Казань, 1989.
- Петерс Б. Г. Косторезное дело в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1986.
- Покровский А. М. Верхне-Салтовский могильник // Труды ХП археологического съезда в Харькове в 1902 году. Т 1. М., 1905.

- Семенов-Зусер С. А.* Верхнесалтовский могильник. Раскопки 1946 года // Архив Музею археологии Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна.
- Семенов-Зусер С. А.* Раскопки Верхнесалтовского могильника в 1947 году // Архив Музею археологии Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна.
- Семенов-Зусер С. А.* Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 1. Київ, 1949.
- Семенов-Зусер С. А.* Дослідження Салтівського могильника // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. 3. Київ, 1952.
- Сергеева М. С.* До історії гри в бабки в Київській Русі // Археологія. 2002. № 4.
- Стрельник М. О., Хомчик М. А., Сорокіна С. А.* Гральні кості (II тис. до н.е. – XIV ст. н.е.) з колекції Національного музею історії України // Археологія. 2009. № 2.
- Сотникова С. В.* Детские погребения с наборами альчи́ков и роль игры в обществах степного населения эпохи бронзы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2(25). Тюмень, 2014.
- Сунчугашев Я. И.* Материалы по народным играм хакасов // Ученые записки ХНИИЯЛИ. Вып. IX. 1963.
- Турчанинов Г. Ф.* Древние и средневековые памятники осетинского письма и языка. Владикавказ, 1990.
- Флёрова В. Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков. СПб, 2001.
- Флёрова В. Е.* Граффити Хазарии. М., 1997.
- Хоружая М. В.* Катакомбные захоронения главного Верхнее-Салтовского могильника (раскопки 2004 года) // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк, 2009.
- Цимиданов В. В.* Астрагалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа // Археологический альманах. № 10. Донецк, 2001.
- Чибиров Л. А.* Аграрные истоки культа животных у осетин // Советская этнография. 1983. № 1.
- Чибиров Л. А.* Древнейшие пласты духовной культуры осетин. Цхинвали, 1984.
- Шрамко Б. А.* Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

V. S. Aksyonov

Sheep Anklebones in the Burial rite of the Alanian Population of the Verkhniy Saltov Archaeological complex

Summary

The article is dedicated to the study of using of sheep anklebones in the burial rite of the Alanian population of the Saltovo-Mayack culture in the Seversky Donets Basin. The article describes the characteristics of 332 anklebones, which were found in 49 burial complexes of the catacomb cemetery in the village Verkhniy Saltov (Upper Saltov) by the expeditions of N.F. Sumtsov (Kharkiv Historical Museum) in 1984–2018. The collection contains almost all types and kinds of anklebones. Most artifacts are published for the first time. The material studied illustrates the existence of a variety of knockout games, throw-ins, and luck games among the Alanian population of Verkhniy Saltov. Anklebones with drilled holes were used as amulets. The properties of such amulets were enhanced by applying graffiti on them. Anklebones with graffiti could also be used for fortune foretelling. In the Verkhniy Saltov catacombs anklebones often accompany the bones of children, adolescents and, more rarely, young men. The location of anklebones in the burial chambers of Verkhniy Saltov shows that the place reserved for them was not accidental. Anklebones amulets and anklebones pendants were often found in the belt of the buried people. Sets for games were located near the person, at the head or at the feet. Anklebones lying together with the remnants of sacrificial food or in the place where it was often left, suggests that in this case they were symbols of well-being, abundance, grace, fertility, and should ensure a comfortable life for the deceased person in the after world.

K e y w o r d s : anklebones, dice, headstock, game, Saltovo-Mayack culture, the Alans.